

Глава 2. История технологий: охотничье-собирательский принцип производства

2.1. ОХОТНИЧЬЕ-СОБИРАТЕЛЬСКИЙ ПРИНЦИП ПРОИЗВОДСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВА

Каменные орудия труда древнейших и древних людей в нижнем и среднем палеолите. Сравнение каменной техники разных периодов. Период от возникновения древнейших людей (*Homo habilis*, человек умелый) – около 2,3–2 млн лет назад, до примерно 200 тыс. лет назад – в археологии называется нижним палеолитом (олдувайская и ашельская культуры). Орудия труда и технологии в этот период были крайне консервативны, тем не менее в это время насчитывают десятки инструментов из камня и кости, вероятно, были и деревянные орудия труда¹. Это время древнейших людей (людей умелых – хабилисов, людей прямоходящих – эректусов, гелдейбергских людей, питекантропов, синантропов и др.). Период от 200 тыс. лет до 40 тыс. лет назад археологи часто выделяют как средний палеолит, или культуру мустье. Это время древних людей-неандертальцев и одновременного сосуществования их с *Homo sapiens sapiens*, которые длительное время жили в Африке, а затем в районе 80–60 тыс. лет назад мигрировали оттуда на Ближний Восток (Atkinson *et al.* 2009; Mellars 2006) и позже, 40–45 тыс. лет назад, в Европу. В этот период заметно улучшилась техника изготовления орудий труда, в частности появляются составные орудия, растет число вариантов одних и тех же основных орудий и т. п. (см., например: Tattersall 2008: 150–158; 2012: 166–173). Но, пожалуй, не менее (или даже более) заметен прогресс в духовной жизни древних людей (связанный с формированием языка). Период от 40 тыс. лет до 13–14 тыс. лет назад называют верхним палеолитом. В нем существенно выросло разнообразие орудий труда и техники. Техника стала более сложной, а сами каменные рубила – более изящными и эстетичными. Вместо отбойников стали применять технику отжима, то есть использовали предположительно костяные отжимники, которые можно было поставить в нужную точку и бить по ним сверху. Для работы использовали призматические кремневые нуклеусы, от которых можно было откалывать фактически готовые орудия. В результате получались тонкие длинные пластинки, длина которых в два раза превышала ширину. Нуклеусы зажимали между ногами или между двумя деревяшками. Это позволяло мастеру работать обеими руками.

---

¹ Олдувайская технология основана на производстве острых отщепов случайной формы, которые использовались в качестве орудий, тогда как остающиеся «ядра» (нуклеусы), как правило, представляли собой производственные отходы. Около 1,7 млн лет назад в Африке появились первые орудия нового, ашельского типа, изготовление которых требовало куда большего мастерства. Главное отличие ашельских орудий состоит в том, что им целенаправленно придавали определенную форму. Основным изделием стал нуклеус, причем его заостряли по периметру, так что получалось обоюдоострое ручное рубило, или бифас (Марков 2011а).

Человек разумный в этот период еще некоторое время сосуществовал с неандертальцами, но затем вытеснил их и, вероятно, физически уничтожил. Однако произошла и некоторая метисация между сапиенсами и неандертальцами, в результате чего примерно 2 % генов современные люди унаследовали от неандертальцев.

В нижнем палеолите (до 200 тыс. лет назад) главенствовали три основные техники изготовления орудий: чопперов, то есть оббитых кусков камня, чаще – гальки; бифасов (обработанных с двух сторон ручных рубил), отщепов (культура тейяк, то есть изготовление пластинок, откалывавшихся от основного куска камня). Первая техника основывается на работе с грубо оббитой с одного конца для того, чтобы получился острый край, окатанной галькой или куском скалы. Производство чопперов, или галечных орудий, было широко распространено в Азии и Африке, но почти не получило развития в Европе. Технику, связанную с изготовлением бифасов, или ручных рубил, орудий широкого применения, многие ученые считают следующей стадией развития чопперов. Бифасы изготавливались с помощью ретуширования или обтесывания с двух сторон куска кремня. Нужно было стесать камень так, чтобы одна из граней стала острой (иногда грани сходились в одной точке). Традиция изготовления бифасов была распространена по всей Европе, Юго-Восточной Азии и Африке. Техника культуры тейяк, получившая на Ближнем Востоке название табунской, характеризуется отсутствием или редкостью заостренных каменных орудий. Распространение получили необработанные куски кремня. Чаще всего орудия этой культуры обнаруживают в Европе или на Ближнем Востоке. Самые ранние находки, относящиеся к этой культуре, были обнаружены в Западной Европе.

Техника среднего палеолита (от 200 тыс. до 40 тыс. лет назад), следующего за периодом нижнего палеолита, продолжала совершенствоваться. Культуры эпохи среднего палеолита обнаруживают в большинстве регионов, где до этого главенствовали производство бифасов и индустрия тейяк, но можно различить несколько местных культур, отделенных друг от друга морем или высокими горными хребтами. Орудия стали делать из кремня более высокого качества, что позволяло лучше их огранять. Они стали более легкими, аккуратными и разнообразными. На краях практически всех орудий можно обнаружить аккуратную и тонкую ретушь. Ее применяли, очевидно, для того, чтобы, во-первых, сделать края инструмента крепче и эффективнее, а во-вторых, придать ему более правильную форму. Эта вторичная обработка орудий позволила носителям среднепалеолитических культур изготавливать более качественные инструменты (см.: Анати 2008: гл. 4–6).

Табл. 2.1. Развитие орудий труда в нижнем палеолите

Этап		Время и место появления (млн лет назад)	Характерные признаки	Культуры
1		2	3	4
Нижний палеолит	Олдувай	2,6; Восточная Африка	Оббитая галька; примитивные отщепы случайной формы	Галечная
	Ашель	1,7; Восточная Африка	Орудиям начинают целенаправленно придавать форму; обоюдоострые ручные рубила (бифасы)	Ашельская

Окончание Табл. 2.1.

1	2	3	4
Средний палеолит	0,2; Европа, Африка, Западная и Центральная Азия	Разнообразные орудия из предварительно подготовленных отщепов, леваллуазское расщепление	Южноафриканские культуры стилбей и ховьесонс пурт; мустьерская культура европейских неандертальцев
Верхний палеолит	0,04; Европа, Западная и Центральная Азия	Костяные орудия (в том числе иглы), украшения, живопись, скульптура, музыкальные инструменты	Шательперронская культура поздних неандертальцев; ориньякская культура первых европейских сапиенсов

Источник: Марков 2011а, т. 1.

«Человеческая революция» и формирование социальности. Сегодня время появления человека разумного датируется периодом 200–100 тыс. лет назад (см. о некоторых точках зрения, например: Деревянко 2011; Казанков 2012; Марков 2011а; 2011б; 2012; Гринин 2009а; см. также: Stringer 1990; Bar-Yosef, Vandermeersch 1993; Pääbo 1995; Gibbons 1997; Holden 1998; Culotta 1999; Kaufman 1999; White *et al.* 2003; Ламберт 1991; Жданко 1999; Клима 2003: 206; Ingold 2002; Вишняцкий 2004; 2005; Мейер 2006; Анати 2008; Зосим 2008). Однако время появления первых бесспорных признаков подлинно человеческой культуры и общества, когда ведущими движущими факторами развития людей становятся уже социальные, а не биологические силы и процесс антропогенеза в главных своих чертах уже закончился, наступило значительно позже – примерно 50–40 тыс. лет назад².

Вот почему мы полагаем, что после указанной выше даты – 50–40 тыс. лет назад – социальный компонент движущих сил эволюции стал преобладающим (подробнее см.: Гринин, Коротаев, Марков 2012). Неодновременность, многообразие развития культуры также проявляют себя очень наглядно именно начиная с верхнего палеолита (см., например: Бродянский 2003: 25; Гринин 2000). Ино-

² Дело в том, что только с периода 50–40 тыс. лет назад можно уверенно говорить о человеке современного культурного типа, в частности о появлении языка, а также «действительно человеческой» культуры (Bar-Yosef, Vandermeersch 1993: 94). Конечно, высказывается много предположений о том, что речь появилась значительно ранее периода 40–50 тыс. лет назад, но они все еще остаются на уровне гипотез и оспариваются другими учеными, тогда как «все согласны, что 40 тыс. лет назад речь существовала везде» (Holden 1998: 1455). Таким образом, антропогенез активно продолжался до указанного периода. Мы согласны с точкой зрения ряда ученых, предлагающих рассматривать период антропогенеза как предысторию, которую невозможно включить в собственно исторический процесс в прямом смысле этого слова (Рогинский 1977; см. также: Борисковский 1980: 171–173; Румянцев 1987: 19). Тем не менее новые свидетельства могут изменить эту точку зрения, так как какие-то следы символического мышления и протоискусства существовали в Африке задолго до верхнего палеолита (см., например: Henshilwood *et al.* 2011). Время от времени появляются заявления о новых сенсационных открытиях. Например, в ноябре 2006 г. Шейла Коулсон из Университета Осло объявила об открытии артефакта возрастом в 70 000 лет, указывающего на культ поклонения огромному змею. Этот артефакт – свидетельство самого древнего из известных человеческих религиозных ритуалов. Традиционно принято считать, что человеческий разум смог развиваться до уровня групповых ритуалов всего 40 000 лет назад. Однако в горной пещере пустыни Калахари в Ботсване археологи нашли сделанное из камня изображение питона размером в человеческий рост (Стайгер 2009).

гда этот рубеж перехода к собственно человеческому обществу называют палеолитической или верхнепалеолитической революцией, поскольку археологически она совпадает с переходом к верхнему или позднему палеолиту в Европе и большему разнообразию археологических культур по всему миру. Это переход к новым технологиям обработки камня, появлению более стабильных поселений и другим показателям, характерным для революционных изменений. Используя название книги П. Мелларса и К. Стрингера, такое резкое изменение можно было бы назвать «человеческой революцией» (“The Human revolution” [см.: Mellars, Stringer 1989]).

Таким образом, в нашем понимании, весь период охотничье-собираТЕЛЬского принципа производства в его восходящей части составляет примерно 40–30 тыс. лет назад: от появления уже «социального» *Homo sapiens sapiens* (40–50 тыс. лет назад) до начала перехода к сельскому хозяйству (примерно 12–9 тыс. лет назад). После этого общества присваивающего хозяйства существовали и развивались еще многие тысячи лет, но они уже были вне ведущей линии социальной эволюции (см., например: Першиц, Хазанов 1978).

Долгое время ученые не сомневались в том, что первобытные люди были озабочены выживанием в природе, подавлены борьбой за существование³. Отсюда господство мнения (и сегодня не полностью преодоленного), что древние люди, будучи не в состоянии прокормиться, разбивались на сравнительно мелкие группы (5–20 человек), постоянно кочевали, не жили подолгу на одном месте, подобно некоторым известным первобытным народам. Это неверная, точнее, в значительной мере неверная мысль. Почему? С одной стороны, утверждению, что такая «бродячая» стратегия существовала у абсолютного большинства социумов верхнего палеолита, противоречат многие археологические факты. На некоторых стоянках археологи находят остатки костей тысяч убитых животных. Значит, люди здесь жили подолгу и большими общинами⁴. Это объяснялось не только тем, что добычи было много, но и тем, что для охоты часто требовались коллективные усилия (а также для защиты от хищников, постоянного поддержания огня и т. д.). Таким образом, постепенно вырабатывались формы воспроизводства и сохранения подобных коллективов, включая весь арсенал известных примитивных, но достаточно эффективных социальных регуляторов.

Оседлость части палеолитических охотников-собираТЕЛЕЙ, разумеется, надо понимать как весьма относительную, поскольку они обычно имели какое-то число сезонных перекочевок, так что в течение года могли переходить несколько раз из лагеря в лагерь. Частичная оседлость охотников в чем-то могла напоминать ситуацию при некоторых видах отгонного скотоводства, когда люди часть года жили в относительно постоянном поселении (но речь не идет о круглогодичной оседлости). Поэтому о социумах палеолита можно говорить лишь как о более оседлых, чем многие мезолитические охотничьи социумы, перекочевывающих.

³ «Однако какими бы приблизительными ни были подсчеты, они показывают, что экономика людей палеолита обеспечивала им лишь выживание», – утверждал, например, Г. В. Чайлд (2012[1942]: гл. 2).

⁴ Например, как подсчитали археологи, в Пржедмосте в Словакии обнаружены кости около 1000 мамонтов, а на Украине в Амвросиевке – не менее 1000 бизонов, в Солотре – около 10 000 лошадей (Бадак и др. 1996: 76). Естественно, такие коллективы примитивных людей можно рассматривать лишь как относительно оседлые, так как сезонные или иные перекочевки, скорее всего, имели место. Важно, что люди могли жить достаточно большими коллективами – в десятки, а в некоторых случаях и сотни человек – в течение относительно долгого периода.

чевки которых в целом были более частыми, жилища – менее постоянными, а группы – меньшими по размерам (см., например: Soffer 1985; де Лаат 2003; о палеолитических жилищах см. подробнее: Деревянко и др. 1994: 217–221). Но и среди земледельцев, кстати говоря, также было много социумов, с той или иной регулярностью менявших место жительства (при перелоге, подсечном земледелии и т. п.). Так, В. О. Ключевский говорил о русском крестьянине еще начала XVI в., что он был по натуре кочевником.

С другой стороны, если вдуматься, могли ли общественное сознание (включая религиозные представления), социальные нормы и многое другое (даже более или менее развитый язык) появиться, если бы люди не жили какое-то достаточно длительное время относительно стабильно (пусть с сезонными перекочевками и экспедициями отдельных партий), а постоянно кочевали бы малыми группами? Сомнительно.

Выработка этого социального и являлась главным на первых этапах присваивающей первобытности. А некоторый излишек пищи создавал условия для роста культуры и социальности. Свидетельство тому – великолепные очень древние пещерные рисунки. Успешная загонная охота могла периодически давать изобилие в стойбищах (это не исключает, конечно, и временных голодовок). А вместе с изобилием (и оседлостью) наступают праздность, веселье, возможность кормить носителей знаний, верований, умений и развлечений, а также старых или больных, рожать больше детей. Как мы увидим ниже, переход к более подвижному образу жизни и делению на мелкие группы произошел в результате исчезновения крупной дичи и перехода к охоте на среднюю и мелкую дичь, что случилось уже в мезолите.

Длительные периоды достаточно обильной охоты заложили прочные основы эгалитарности (равноправия), без чего, впрочем, первобытные коллективы не выжили бы. В подобных объединениях людей не было институционализированных различий в зависимости от того, в какой семье они родились или каким имуществом владели. Поэтому главными признаками неравенства являлись половые и возрастные различия, а несколько позже (по мере развития социальных отношений) также отношения родства и свойства. Не менее важным был приобретенный с помощью личных качеств (ум, сила, хитрость и т. п.) и заслуг статус (авторитет, общественная должность). Все эти характеристики и определяли место индивида в коллективе (который неизбежно был группой родственников), его права и обязанности. Таким образом, тип социальной организации обществ этой формации можно назвать **родственно-половозрастным**.

Особенности охотничье-собирательского хозяйства и образа жизни. Сложность реконструкции истории

Первое. Размеры коллективов, орудия труда, способы хозяйствования, образ жизни и основные общественные отношения – словом, почти все зависело исключительно от окружающих природных условий.

Второе. С переменной окружающей среды жизнь должна была резко меняться: нужно было либо приспособливаться на месте, либо искать районы с похожими природными условиями, либо переселяться в иные по характеристикам места. Поэтому можно сказать, что *главной движущей силой, специфической си-*

лой уже социального плана, являлось взаимодействие человека с природой, в результате чего люди расселились почти по всей планете. На базе разных географических условий начинает зарождаться и специализация⁵.

Чем лучше люди приспосабливались к природе и специализировались, тем продуктивнее была их деятельность. Следовательно, при анализе охотничье-собирательского принципа производства на степень приспособления к природе и овладения ею необходимо обратить особое внимание. Адаптация к природе большинства охотничье-собирательских обществ была очень высокой, в некоторых случаях просто поразительной. Стоит сказать об одном важном моменте, связанном с различной адаптацией к природным условиям. Как замечено исследователями, значимость охоты по сравнению с другими видами занятий (собирательством и рыболовством) усиливается от экватора к полюсам. Это обусловлено несколькими факторами: а) чем ближе к экватору, тем больше разнообразие видов, что препятствует специализации охотников; б) увеличивается изобилие флоры, то есть ценность собирательства возрастает от высоких широт к низким; в) меньше универсальность использования продуктов охоты, которая является наивысшей у северных охотников, получающих от животных все, включая жир для освещения, гигантские кости для строительства жилищ, одежду, посуду и т. д. (см. подробнее: Семенов 1968: 321–323). Ясно, что в тропическом лесу массу материалов можно было получить с деревьев или других растений.

Отметим интересный, в чем-то кажущийся парадоксальным момент. Из-за различий в доступности и изобилии ресурсов более высокоразвитые группы могли в принципе иметь меньше пищи или, что вероятнее, должны были больше работать. В частности, индивидуальная охота может быть менее продуктивной, чем загонная, хотя уровень техники, сноровки и выучки у индивидуальных охотников был несравненно выше. То же мы можем сказать о ситуации, связанной с переходом к земледелию. С точки зрения производительности труда земледелец мог производить меньше, чем охотник или даже собиратель. А рост населения в условиях аграрной революции приводил к тому, что люди и вовсе должны были работать больше, чтобы обеспечить себя. Аналогичная ситуация характерна и для всего аграрно-ремесленного принципа производства. Ведь пашенное земледелие на не столь плодородных почвах может быть менее продуктивным, чем даже ручное – на более плодородных.

Сказанное приводит к двум важным теоретическим выводам:

1) *в состав производительных сил общества необходимо включать природные компоненты* (см. подробнее: Гринин 2003а; 2011г; 2012д). Отсюда ясно, что важнейшей частью первобытных производительных сил являлись именно природные производительные силы;

2) *до определенного этапа появление техники и особой технологии являлось лишь одним из ответов на вызов относительной скудости природы.*

---

⁵ Природные катаклизмы, особенно планетарного масштаба, меняли жизнь очень многих коллективов. Далее мы еще будем говорить о роли оледенений, глобального похолодания и затем таяния ледников. Стоит также упомянуть ныне популярный факт о катастрофическом извержении вулкана Тоба примерно 73–74 тыс. лет назад на о. Суматра (Rampino, Self 1992). Тогда в результате выброса пепла наступило похолодание на несколько лет, после чего, как предполагают некоторые исследователи, население Земли сократилось едва ли не до 10 тыс. человек или даже меньшего значения (Williams *et al.* 2009: 295–314; Rampino, Ambrose 2000: 78–80; Ambrose 1998: 623–651), что, однако, вызывает определенные сомнения.

Третье. Сам образ жизни и хозяйствования доаграрного общества естественно ограничивал численность населения, которое в условиях охотничье-собирательского принципа производства росло очень медленно. Важнейшими ограничителями численности населения у охотников-собирателей являются:

а) достаточно большая необходимая территория для обеспечения жизнедеятельности одного человека;

б) невозможность добыть больше дичи или собрать больше растительной пищи, чем это допустимо в определенной местности, без ущерба ее воспроизводству в дальнейшем;

в) необходимость определенных нейтральных территорий между общинами;

г) ограничения в других (непищевых) ресурсах (например, на севере это недостаток топлива);

д) если поселение постоянное, то и ресурсы ограничены; если надо постоянно переселяться, то большое количество детей – громадная помеха при перекочевках;

е) естественные ограничения у женщин доаграрного периода, связанные с невозможностью кормить грудных детей долгое время грубой пищей, и поэтому длительный период лактации, а следовательно, и ограниченность зачатий и рождений при продолжительной лактации; а также и другие факторы, уменьшающие фертильность женщин охотничье-собирательского периода по сравнению с аграрным;

ж) естественная высокая детская смертность при кочевом образе жизни.

Тем не менее плотность населения и размеры поселений в разных случаях сильно варьировали, прежде всего в зависимости от окружающей среды и характера хозяйствования (у собирателей или рыболовов они могли быть выше, чем у охотников).

По разным данным, средняя плотность населения в доаграрную эпоху составляла 0,1 человека на 1 кв. км земной суши (см., например: Чайлд 2012[1942]: гл. 2; Андрианов 1978: 21). При этом плотность (как и сегодня) значительно колебалась. В наиболее благоприятных районах она достигала 0,66 человека на 1 кв. км (Чайлд 2012[1942]: гл. 2). В менее благоприятных плотность составляла один человек на сотни километров. Так, еще в XVII в. у юкагиров, по данным Б. О. Долгих, на 1 человека приходилось в среднем до 200–300 кв. км (Андрианов 1978: 22). Примерно так же дело обстояло и у охотников-тунгусов (см.: Долгих 1960: 15). А согласно расчетам Д. Кристиана (Christian 2004: 198), средняя плотность населения в период 10 тыс. лет до н. э. составляла 1 человек на 25 кв. км (то есть еще меньше, чем по оценкам Андрианова – 0,04 человека на 1 кв. км).

Число жилищ на многих верхнепалеолитических стоянках, согласно археологическим сведениям, колебалось от 1 до 6; соответственно число их обитателей могло колебаться от 6–7 до 30–70 человек, также и сами жилища нередко весьма отличались по размерам (Бадер 1976: 129; Борисковский 1984а: 355; 1989; Рогачев, Аникович 1984: 191 и др.; Абрамова 1984: 328; Деревянко и др. 1997: 217–221). Существовали и более крупные поселения. Плотность населения также сильно варьировала. Например, население района Ком-Омбо (в Египте) насчитывало не менее 250 человек при одной из самых высоких плотностей населения верхнего палеолита (1 человек на 2,6 кв. км). Люди здесь, по-

видимому, были одними из первых, кто в довольно широких масштабах практиковал сбор дикорастущих злаковых (см.: Файнберг 1986: 185). В других местах плотность населения равнялась одному человеку на десятки квадратных километров. Все это, однако, слабо сопоставимо с вариативностью, скажем, сложных аграрных обществ, где та же численность населения разных поселений могла варьировать от единиц до сотен тысяч (то есть уровень различий вырастает на порядки).

Четвертое. Самой большой сложностью в изучении первобытности остается недостаток сведений. Это вызывает к жизни массу гипотез, иногда очень остроумных, однако не заменяющих точные знания. По археологическим данным частично восстановить характер производительных сил возможно, но без связи их с общественными отношениями многое непонятно. Кроме того, археологические находки фрагментарны и далеко не всегда толкуются однозначно. Факты этнографии исключительно важны, но не все из жизни таких народов можно переносить на древность: немало наблюдаемых племен либо уже столкнулись с более развитыми обществами, либо прежде знали лучшие времена, поэтому имеют остатки более высокой культуры.

Можно предположить, что большинство коллективов, обретая социальность, при благоприятных природных условиях застревало на достигнутом, поскольку потребности в каком-либо прогрессе не было. Но, без сомнения, в течение долгих тысячелетий немало обществ двигалось дальше и расцветало, а затем по разным причинам происходила остановка в развитии, деградация или уничтожение. По-видимому, одно и то же открывали много раз в разных местах. Историческая память была очень слабой, уровень контактов тоже, достижения закреплялись медленно. И все же бесконечные эпизоды подъема и упадка, бесчисленные переселения, появления и смерти протоэтносов, приспособление тысяч первобытных орд и племен на протяжении десятков тысяч лет в конце концов привели к заселению огромных территорий и появлению первых очагов земледелия. Таким образом, даже подобия линейного движения не было, также неизвестны и общества-первопроходцы, а потому наметить ведущую линию сложнее, чем для палеолитов, известных исторически, и она носит более гипотетический характер.

Л. А. Файнберг задает вопрос: «Насколько древним является такое разнообразие социальных форм? Существовало ли оно в каменном веке или же характерно только для современных отсталых этнографических групп, в течение длительного времени живших и развивавшихся на периферии классовых обществ и находившихся под их влиянием или составивших устойчивые изоляты?» (Файнберг 1975: 64). Думается, что неравномерность характерна для всех эпох. Не является исключением и палеолит (о проблеме неравномерности развития в этот период см., в частности: Григорьев 1969а: 222; Величко, Гвоздовер 1969: 236–237; Гринин 2001: 38–58). Однако чем дальше развивается человечество, тем больше разрыв между самыми социокультурно сложными системами и самыми социокультурно простыми. Но во все времена число обществ «ординарных» было гораздо больше, чем «неординарных». В частности, только небольшое меньшинство палеолитических стоянок содержит остатки произведений искусства, при этом они концентрируются в сравнительно ограниченных зонах (см., например: Формозов 1970: 194; Григорьев 1970; Soffer 1985; Gvozdover 1995; см. также:

Буровский 2012). Неслучайно статуэтки из камня и кости и предметы с орнаментом в европейской части СССР найдены только на 33 стоянках из известных 700 позднепалеолитических местонахождений, а серии таких предметов встречаются еще реже (Авдусин 1977: 36). Зато на некоторых стоянках, таких как Сунгирь (Там же: 39), находок, свидетельствующих о высоком развитии духовно-символической культуры, обнаружено очень много (тысячи предметов, например бусинок). Уникальна в подобном плане и мальтинская культура в бассейне Ангары, где найдено очень большое количество женских статуэток и уникальных фигурок птиц (Григорьев 1970: 50–53; Абрамова 1970: 83–84; Напольских 1991). Известны также памятники с более быстрой сменой типов каменных орудий, чем в других культурах. Так, в развитии перигордийской культуры во Франции за период от XXII тыс. до XVIII тыс. лет назад выделяют шесть или даже семь этапов, каждый из которых заметно отличается от последующего и предыдущего набором каменных орудий (Григорьев 1969б: 213).

2.2. ЭТАПЫ ОХОТНИЧЬЕ-СОБИРАТЕЛЬСКОГО ПРИНЦИПА ПРОИЗВОДСТВА

Эти этапы рационально связывать с качественными рубежами приспособления к природе и овладения ею. Ведь, как уже сказано, размеры коллективов, орудия труда, способы хозяйствования, образ жизни – словом, почти все зависело исключительно от окружающих природных условий. Если соотносить этапы также с серьезными изменениями природных условий, появляется возможность привязки к абсолютной хронологии в общечеловеческом масштабе. Кроме того, первые этапы охотничье-собирательского принципа производства можно связать в рамках предложенной теории с аналогом производственной революции. Это уже описанная выше верхнепалеолитическая, или «человеческая», революция, связанная с бурным появлением социальных признаков жизни *Homo sapiens*, которые до этого проявлялись достаточно слабо. Однако в период 40–45 тыс. лет назад эта революция только началась, закончилась она, собственно, лишь с концом верхнего палеолита. Все это время заметны антропологические изменения, вытекающие из приспособления к разной среде обитания.

Тогда **первый этап** – начало «человеческой» революции, которую можно рассматривать как аналог производственной революции. В тот период именно человеческие знания, умения и навыки были важнейшей частью производительных сил. В то же время создаются хотя и примитивные, но вполне социального происхождения производительные силы, поскольку в этот период имелось уже более ста типов орудий (Борисковский 1980: 180). На первых этапах орудия труда, конечно, еще очень несовершенны. Но думается, что главные изменения в производительных силах даже не в технике, а в самом человеке, который был важнейшей частью этих сил и уже коренным образом отличался от предшествующих по интеллекту, уровню организации и способности к совместным действиям.

Второй этап – распространение и укрепление принципа производства (примерно и очень условно – 30–23/20 тыс. лет назад) – привел к окончательному преодолению того, что можно назвать трансформировавшимся противоречием антропогенеза, противоречием между биологическими и социальными регуляторами жизнедеятельности. Этот этап связан с интенсивным расселением людей и освое-

нием удобных для жизни мест (см., например: Зубов 2012), в том числе заселением Сибири (Долуханов 1979: 108) и, вероятно, Америки (Зубов 1963: 50; Сергеева 1983; Березкин 2007а; 2007б; 2013), хотя здесь датировки очень разбросаны (Сергеева 1983; Алексеев 1986: 57). По генетическим данным это период 25–15 тыс. лет назад (Goebel *et al.* 2008). Но в целом заселение Америки было сложным и далеко не одномоментным процессом.

Третий этап – завершение аналога производственной революции – продолжался до 18–16 тыс. лет назад. На это время приходится период максимального за всю геологическую историю развития Земли похолодания планетарного масштаба⁶. Очередное изменение климата явилось серьезным испытанием. Однако к этому времени люди уже имели достаточный уровень развития производительных сил и социальных отношений, чтобы часть коллективов смогла не только выжить в более суровых условиях, но даже благоденствовать на базе получения некоторого излишка продукции. Огромные изменения происходят в разнообразии и количестве орудий труда (Чубаров 1991: 94). Приспосабливаясь к холодному климату, человек изобрел теплую одежду, заготовку продуктов, научился охотиться на самых крупных животных. Прогресс был не только у охотников. Возникло и приобрело важное значение рыболовство (добыча речной и озерной рыбы), позже – охота на морского зверя. Известны также собиратели моллюсков и раковин. Вообще с освоением разных природных ниш усиливается специализация.

Именно в это время появляются зоны быстрой смены типов и наборов каменных инструментов, например во Франции (Григорьев 1969б: 213), а в Леванте (18 тыс. лет назад) появляются микролиты (Долуханов 1979: 93).

В течение этого и следующего, **четвертого этапа** – примерно 17–14 (18–15) тыс. лет назад – степень приспособления к изменяющимся природным условиям значительно возрастает. Изменение природных условий потребовало специализации орудий труда, что привело к более полному освоению природных ресурсов, дало мощный толчок развитию производительных сил. Изобретаются и совершенно новые орудия труда: лодки, гарпуны, остроги и т. д. Некоторые ученые настолько высоко оценивают степень такой приспособленности, что говорят о первом антропогенном кризисе, связанном с уничтожением мамонтов, хотя подобные утверждения, на наш взгляд, а также по мнению многих других исследователей, выглядят сомнительно (см., например: Буровский 2010; 2014; Назаретян 2010). Там, где не было похолодания, появлялись также интенсивные собиратели (Холл 1986: 201; Харлан 1986: 200). В частности, это уже упоминавшееся выше поселение на равнине Ком-Омбо южнее Асуана (в Египте), существовавшее примерно 17 тыс. лет назад, которое, по-видимому, было одним из первых, где в довольно широких масштабах практиковался сбор дикорастущих злаковых (см.: Файнберг 1986: 185). Люди жали колосья диких злаков и собирали столько зерна, что оно могло составлять большую часть их пищевого рациона. Найдены каменные серпы, зернотерки, камнетерки (см.: Придо 1979: 45). В этот период также развиваются

⁶ Это случилось во время последней ледниковой эпохи (так называемый Вюрм III, которому в европейской части России соответствует осташковское, или поздневалдайское, оледенение). Максимум оледенения и похолодания приходился примерно на период 20–17 тыс. лет назад, температуры в среднем упали более чем на 5 градусов (см.: Величко 1989: 13–15).

проторемесла, включая шитье и изготовление нитей, одежды, а также плетение (см.: Дятчин 2001: 37).

Пятый этап – 14–11 (15–12) тыс. лет назад – это конец древнекаменного века (палеолита) и начало среднекаменного века (мезолита) (Файнберг 1986: 130), его можно связать с началом отступления ледников и сильным изменением климата (Ясаманов 1985: 202–204; Короновский, Якушова 1991: 404–406). В результате этого потепления и изменения ландшафтов крупных млекопитающих стало меньше. В итоге «большие общины, которые поддерживали свое существование коллективной охотой и рыболовством, были вынуждены расколоться и научиться каким-то новым техническим приемам» (Чайлд 1949: 40). Поэтому в данный и следующий этапы происходит переход к индивидуальной охоте, в том числе большое распространение получает охота на птицу (Марков 1979: 51; Чайлд 1949: 40). В результате перехода к индивидуальной охоте люди в ряде районов изобрели лук, ловушки, сети, гарпуны, топоры и т. п., что обеспечило автономное существование мелких групп и даже отдельных семей (Марков 1979: 51; Придо 1979: 69; Авдусин 1989: 47). Для охоты на птицу использовали лук и стрелы с тупыми наконечниками, метательные палки, изогнутые палицы и т. п. (Марков 1979: 51). Возникло или приобрело важное значение рыболовство на реках и озерах (Матюшин 1972).

Таким образом, на пятом и шестом этапах охотничье-собираетельского принципа производства особенно ярко проявились тенденции основной линии прогресса охоты. Эта линия, по мнению С. А. Семенова, заключалась в совершенствовании орудий и способов получения добычи. Прогресс механических орудий заключался в улучшении метательных и стационарных средств. Метательные орудия развивались в направлении увеличения силы и скорости полета, дальности и точности попадания (от рогатины и копья до дротика с копьёметалкой и лука со стрелами)⁷. Развивались следующие типы форм каменных наконечников: листовидные, с выемкой, черенковые, крылатые. Костяные и деревянные наконечники получают зубчатую структуру, затем шиповую, гарпунную (Семенов 1968: 323, 324).

Из сказанного читатель легко поймет, что известные с Нового времени этнографические народы охотников, рыболовов, собирателей мы относим по этой периодизации не ниже чем к пятому – высокой зрелости – этапу⁸. Сказанное подтверждается и выводами ученых-первобытников: «Как известно, даже наиболее примитивные культуры из числа изучавшихся этнографами находятся на уровне не ниже мезолита» (Файнберг 1980: 7). Численность общин в таких обществах колеблется в среднем от 20 до 100 человек, но, по подсчетам разных ученых, например Дж. Стюарда и У. Гуденафа, средний размер общины бродячих локальных групп – 50 человек, а средняя территория, занимаемая такой группой, – приблизительно 100 кв. миль (см.: Мердок 2003: 108). Иногда такая

⁷ Как метательный инструмент мог использоваться и бумеранг. Дальность его полета могла достигать 100 м. Охота с помощью бумеранга наиболее известна у этнографических народов Австралии, а также Арктики и Америки. Однако бумеранги обнаружены при раскопках стоянок каменного века в разных местах (Виргинский, Хотеев 1993: 29).

⁸ Это относится и к маргинальным этносам, попавшим в суровые природные условия, но относительно них нужны специальные оговорки, которые в этой работе невозможны.

община состояла из нескольких более мелких локальных групп, иногда оставалась единой.

Главный признак, отличающий мезолитическую культуру от всех остальных, – это наличие очень маленьких орудий, или микролитов. Как правило, они представляют собой маленькие пластины, заостренные с одной стороны или имеющие два параллельных края, а также различные типы крошечных орудий треугольной, трапециевидной, прямоугольной и т. д. форм, которые называют геометрическими микролитами. Другим характерным предметом стал усеченный микролитический резец с ретушированной выемкой. Усечение образовывало острый угол с выемкой, в результате чего получалась небольшая ровная поверхность. Некоторые исследователи, однако, считают, что микролитический резец не орудие, а просто отход (остаток) производства геометрических микролитов (Анати 2008: гл. 8).

Отметим, что переход к новым орудиям труда и новой технике их изготовления, а также некоторая специализация орудий труда и коллективов сопровождалась также большими изменениями в социальной и духовной жизни людей, включая новые виды искусства, способы захоронения и почитания умерших и т. п. О некоторых изменениях мы еще скажем далее.

Шестой этап (примерно 12–9 тыс. лет назад⁹) также связан с продолжающимся потеплением климата, изменениями природной среды и переходом в конце его к так называемому голоцену (см., например: Хотинский 1989: 39, 43; Wuymer 1982), а в археологической периодизации – к неолиту, который связан с большим прогрессом в технике обработки камня (Семенов 1968; Монгайт 1973; Авдусин 1989; Янин 2006). В это время рождается много инноваций, а в целом – открывается путь к новому аграрно-ремесленному принципу производства (см., например: Липс 1954; Mellaart 1975).

Несомненны большие успехи в разных отношениях, связанных с технологиями: в умении добывать огонь, построении и освещении жилищ, создании одежды, хранилищ, транспорте (плоты, лодки, лыжи, сани-волокуши и др.), количестве используемых материалов, знании природы (этнографические народы часто удивляли европейцев способностью использовать сотни растений). Способы охоты постоянно совершенствуются, появляются сотни ловушек для зверей (см.: Липс 1954; Семенов 1968). Некоторые из них поразительно остроумны, хитры, другие даже можно назвать первыми машинами или полуавтоматами, так как они срабатывали от легкого прикосновения, но могли убить медведя, а то и слона (о возникновении элементов машин см.: Белькинд и др. 1956: 22–28). Кое-где приручили собаку. Распространялось применение растительных ядов, в том числе и для рыбной ловли. В некоторых случаях появлялись и интенсивные способы рыболовства и поддержки поголовья рыбы, так что общества могли существовать на этой базе тысячи лет (см., например: Матюшин 1972: 180 и далее).

Подводя итоги, можно сказать, что стадию высокой зрелости для формации в целом следует связывать с появлением технических и технологических возможностей для поддержания автономного существования более мелких групп и даже отдельных семей. В некоторых случаях это можно связывать с появлением лука и стрел, в других – духовой трубки с отравленными стрелами, в третьих – было

⁹ Но датировки здесь колеблются на 1–2 тыс. лет.

достаточно копьёметалки¹⁰, в четвертых – имелись особые метательные снаряды и т. д.

Все это позволило людям заселить новые места, в том числе и такие, где прежде прокормиться большим общинам было сложно. Гибкая общественная организация позволяла коллективу распадаться на мелкие группы или семьи, чтобы в определенные периоды или для определенных действий собираться вместе. Уменьшение величины хозяйственных единиц и переход на мелкую и среднюю дичь привели также к изменению многих правил раздела продукции, поскольку теперь роль индивидуального охотника должна была учитываться в большей степени.

Однако в северных и некоторых других районах сохранялась возможность жить более или менее оседло, с сезонными перекочевками. При этом, если климат был подходящим, способы сохранения пищи (прежде всего мяса и рыбы) были весьма разнообразными: копчение, вяление, заморозка, квашение, даже засолка, а иногда и консервация.

Некоторые данные о контактах охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ.

С одной стороны, общества палеолита и даже мезолита-неолита – это изолированные крошечные мирки, где люди часто даже не представляют, что есть другие общества, кроме них и их ближайших соседей. Но с другой стороны, это были довольно мобильные и беспокойные люди. Потому неудивительно, что археологические культуры уже верхнего палеолита в целом были весьма обширны (см., например: Григорьев 1969б: 214). При этом нередко находящиеся в географической близости культуры палеолита различаются сильнее, чем располагающиеся за тысячи километров друг от друга. Например, «индустрия западного и восточного ориньяка на огромной территории, от Франции до Дона, ближе, чем индустрия западного ориньяка, шательперрона и перигора, существующие практически на одной территории и в одних и тех же условиях» (Долуханов 1979: 82). Автор цитаты склоняется к совершенно, на наш взгляд, верной мысли, что «эти различия отражают особенности в сфере культуры (традиций, верований, знаний) групп первобытного населения» (Там же). В частности, фигурки палеолитических венер периода порядка 20 000 лет назад обнаружены на огромном пространстве – от Пиренеев до Дона (Champion *et al.* 1984: 81; Gamble 1986; Gvozdover 1989; Christian 2004: 197; Soffer *et al.* 2000; Bahn 1998; Lewis-Williams 2002; Clottes 2003; 2008; White 2003; Curtis 2007; Whitley 2009) и даже в Сибири (Okladnikov 1990).

Наиболее интересными в этом плане являются факты обмена теми или иными вещами и даже орудиями труда и сырьем/полуфабрикатами для их изготовления. Например, морские раковины с берегов Средиземного моря обнаружены на верхнепалеолитических стоянках Германии, черноморские раковины – в Мезенском поселении на Десне за 600 км от моря и т. д. (см., например: Кларк 1953; Румянцев 1987: 170–171). По мнению В. П. Алексеева, обмен между отдельными хозяйственными коллективами возник, очевидно, на самых ранних этапах истории (Алексеев 1984: 373). В. М. Массон также указывает, что обмен сырьем и украшениями имел место уже в верхнем палеолите (Массон 1973: 79).

¹⁰ «Современные эксперименты показали огромное преимущество копьёметалки. Брошенное рукой двухметровое копьё пролетает не более 30–70 метров, а копьёметалка посылает его на 150 метров с такой силой, что оно убивает оленя в 30 метрах» (Придо 1979: 69).

Археологические данные определенно свидетельствуют, что в Европе, Азии и Африке на верхнепалеолитических стоянках имеется немало предметов неместного происхождения, нередко при этом из довольно отдаленных для этого времени мест. Главным образом это были кремьнь, сланец, обсидиан, лазурит, янтарь, морские раковины и ряд других предметов (Кларк 1953; Румянцев 1987: 170; Webb 1974). Подобные факты обмена ценными материалами, особенно охрой, добываемой в Западной Австралии, в древний период истории приводят австралийские исследователи (Mulvaney, Kamminga 1999: 28–31; см. также: Christian 2004: 197).

Уже в конце палеолита и мезолите обмен различными вещами и материалами в некоторых случаях мог играть существенную роль. Например, на территории Индостана, по данным А. Я. Щетенко, такой обмен в мезолитических обществах присваивающего хозяйства носил сложный характер: «Мезолитические поселения, удаленные от основных источников сырья, получали его путем опосредованного обмена из различных мастерских по добыче камня, поэтому в некоторых контактных зонах существовали орудия, изготовленные из материалов всех перечисленных выше зон (зона кремня и кремнистого сланца; зона агата, халцедона и яшмы; зона сланца и кварцита. – *Авт.*)» (Щетенко 1977: 125; 1979: 71–74).

2.3. ВЕДУЩЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ОХОТНИЧЬЕ-СОБИРАТЕЛЬСКОГО ПРИНЦИПА ПРОИЗВОДСТВА И ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ИНСТИТУТОВ ЭТОГО ОБЩЕСТВА

Все еще существует мнение, что ведущим противоречием охотничье-собираТЕЛЬского общества было противоречие между жизненно необходимыми потребностями первобытных людей и низким уровнем развития производительных сил. Однако мысль о том, что первобытные люди были вечно голодными и занимались только поисками пищи, в целом неверна. Конечно, природа порой могла быть жестока с людьми и социумами, но часто она бывала и щедрой. При этом если добытого хватало на последующие дни, то никто и не спешил продолжать «работу».

Полевые же исследования этнографов при изучении существовавших в XIX и XX вв. групп охотников и собирателей показывают, что даже не в самой изобильной местности они уже настолько приспособились к окружающей природе, что в **среднем** могли трудиться не более нескольких часов в сутки. Конечно, трудовая нагрузка в течение года распределялась очень неравномерно (см.: Sahlins 1972; Салинз 1999: 19–52; Геллнер 1991: 241; Иди 1977: 29; Кабо 1986: 237). Иногда требовались большие усилия в течение нескольких дней или даже недель (особенно при сезонных миграциях животных или рыбы, сборе дикорастущего урожая и т. п.). А затем могли быть недели и даже месяцы безделья. Нагрузка женщин, занятых собирательством, приготовлением пищи и рукоделием, обычно была более равномерной. В 50–60-е гг. прошлого века разными этнографами об этом было собрано много фактов (см.: Sahlins 1972; Harris 1977: 179). М. Салинз называл такие социумы *обществами первобытного изобилия* (Sahlins 1972; Салинз 1999).

Конечно, современные первобытные народы могли отличаться по степени приспособленности к природным условиям от доисторических. Но думается, что такая экстраполяция вполне оправданна, поскольку наблюдения за самыми разными условиями в целом подтверждают сказанное. Археологические раскопки также говорят о достаточно продуктивных занятиях и аналогичных описанным приспособлениях.

Поэтому **ведущим противоречием этого принципа производства следует считать противоречие между возможностью добывать («производить») больше благ и отсутствием стимулов для этого.** Иными словами, «производитель» может, но не считает нужным добывать блага в количестве, превышающем обычные потребности и общественные нужды. Он не стремится к постоянному накоплению пищи и других благ.

Это объяснялось ограниченными возможностями для хранения, транспортировки и обмена, которые ставили жесткие преграды для накопления, а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения строго ориентировали людей на беззаботность в отношении накопления и необходимость делиться с сородичами. Последний момент, впрочем, можно рассматривать как особого рода «инвестиции» на черный день (наиболее реальные и разумные в тех условиях), поскольку в случае неудачи на охоте человек мог рассчитывать на помощь сородичей.

Конечно, амплитуда различий в этом плане у разных племен была очень большой. Но в целом можно суммировать некоторые причины, по которым первобытные люди считали накопление бессмыслицей.

1. Многие коллективы не умели по-настоящему и надолго запастись пищей, тем более что во влажном климате все гниет, портится, уничтожается насекомыми и т. п. К тому же если отсутствовала сезонность, то и запастись много не было резона: свежее мясо всегда предпочтут «консервам». Даже на севере мясо или рыба обычно не хранятся слишком долго. Да в этом и нет особой нужды, запасы нужны лишь до нового заготовительного сезона¹¹.

2. При перекочевках лишний груз был в тягость, тем более если учесть, что женщины должны были нести детей.

3. Внутренняя потребность общества в накоплении отсутствовала, а обмен с другими был редким и слабым.

4. Общество не одобряло жадности и стяжательства, напротив, поощряло щедрость, а обычаи требовали делиться.

Итак, ограниченные возможности для хранения, транспортировки и обмена ставили жесткие преграды для накопления, а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения строго ориентировали людей на беззаботность, «нестяжательство» и необходимость делиться с сородичами. Все вместе лишало их стимулов к накоплению благ.

На этапе зрелости общество обычно находит эффективные пути институционализации основного противоречия. В данном случае можно сказать, что блага, которые производитель отдает гостям, родственникам, соплеменникам, как бы

¹¹ Здесь кстати отметить, что чисто по природным причинам собиратели в этом плане оказались в гораздо более выгодном положении, поскольку зерно, злаки, орехи и прочее могут храниться гораздо дольше, чем мясо, хотя их надо уметь прятать от грызунов.

обмениваются на престиж и соответственно более высокий статус, который приобретают наиболее удачливые добытчики.

Пока ведущее противоречие еще не стало источником системных кризисов, главное в нем, условно говоря, его **технический аспект**, то есть действие его в первую очередь связано с ограничениями самих производительных сил. В частности, в данном обществе – с неумением запасать, отсутствием обмена. Однако постепенно эта ограниченность производительных сил в значительной мере устраняется. Появляются те или иные способы накопления благ. В результате в охотничье-собираТЕЛЬских обществах появлялся заметный излишек благ, а также и **престижные блага** (шкуры, бивни, красивое оружие, украшения). На поздних этапах начинают зарождаться имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление богатств в руках отдельных людей, престижный обмен и торговля. Теперь главным становится **общественный аспект** основного противоречия. Ведь хотя уже можно производить гораздо больше, чем раньше, сложившиеся в предшествующий период и более консервативные, чем производство, отношения являются препятствием для дальнейшего развития, поскольку традиции и мораль всячески сдерживают развитие личного богатства и имущественного неравенства. В итоге возникают многие несистемные элементы и институты для охотничье-собираТЕЛЬского общества, которые создают предпосылки для перехода либо к обществам высших охотников-собираТЕЛЕЙ, либо к новому (аграрно-ремесленному) принципу производства (о том и другом путях см. ниже). Таким образом, разрешаясь в каких-то частностях, ведущее противоречие создает общее несоответствие производства и общественных отношений в еще большей степени¹². Ведь плотность населения растет, контакты увеличиваются, развиваются дарообмен и обмен. Если коллективы достаточно большие, начинается выделение более авторитетных и богатых людей. Теперь уже полученный статус тем или иным образом позволял увеличивать и богатство. Словом, общество уже не то, но отношения, традиции и общественная мораль всячески сдерживают развитие личного богатства, имущественного неравенства, возможности передавать богатство потомкам, право отказать в помощи и т. д. В этом и состоит обострившееся трансформированное противоречие.

Общинно-родственный тип организации примитивных обществ

В обществах охотников-собираТЕЛЕЙ связь того, что можно назвать властью, с производством была в некоторых отношениях даже заметнее, чем в обществах классовых. Это понятно, поскольку как органы власти, так и система перераспределения благ от управляемых к лицам, выполняющим функции управления, здесь обычно отсутствуют. Власть держалась на традициях возраста, а также на личных качествах и авторитете руководителя либо тесно связывалась с умением

---

¹² Для иллюстрации можно привести пример индейцев Северной Америки. Пока у них не было выючных животных, их имущество было небольшим. С момента разведения и использования лошадей объем перевозимого груза значительно увеличился. И те, у кого было мало лошадей, а значит, и мало имущества (бизонных шкур и др.), имели низкий статус.

вожака обеспечить коллективу достаточно приемлемую жизнь. Последнее нередко наблюдалось также у примитивных земледельцев, особенно кочевых (см. об этом, например: Леви-Строс 1984: 170–172). Политическая сфера формировалась медленно, поскольку и концентрация населения была очень малой. Племена были намного аморфнее и одновременно меньше, чем в земледельческую эпоху. Так, у австралийцев их численность колебалась от 100 до 1500 человек, составляя в среднем 500–600 человек¹³. Однако они собирались вместе только в определенное время года, обычно на праздники и особые церемонии (см., например: Элькин 1952; Роуз 1981). Но у ряда охотничье-собираТЕЛЬСКИХ этносов даже о таких «племенах» можно говорить лишь с огромной долей условности, и то не во всех случаях, просто из-за их малочисленности и разбросанности. Так, этнографическая группа полярных эскимосов, открытая в конце XIX в., насчитывала всего 400 человек (Файнберг 1968: 167; см. также: Фрейхен 1961). Обеспечение пищей у кочевых народов часто проходило в небольших локальных группах, состоящих из нескольких семей, иногда даже в отдельных семьях. Но базовыми единицами следует считать все же такие локальные группы, которые обычно классифицируются как общины. Эти общины можно рассматривать как родственные, то есть такие, в которых в основном жили люди, связанные между собой отношениями родства и свойства. В то же время общины обычно всегда связаны с определенной территорией, и отношения совместного проживания могли быть главными (см.: Мердок 2003: 108, 94). Поэтому такие группы можно считать (при определенной подвижности их состава) все же относительно стабильными, и они «выступают первичной базой социального контроля» (Там же: 109). Таким образом, тип политической организации до появления сельского хозяйства условно можно назвать **общинно-родственным**.

Мы не говорим об этих общинах как родовых, поскольку родовые формы организации имелись не у всех охотничье-собираТЕЛЬСКИХ народов, а едва ли не у меньшинства из них. Кроме того, они вообще более свойственны сельскохозяйственным, а не охотничье-собираТЕЛЬСКИМ народам (см., в частности: Коротаев 2003). Но родственные общины были почти у всех доземледельческих этносов (см. об этом, например: Кабо 1986; Файнберг 1975; Бутинов 1968а; 1968б), хотя родство не обязательно четко формулировалось (Мердок 2003: 94). Оно могло существовать в самых разных формах. Община включала в себя родственников и свойственников, а нередко и некоторое количество чужаков. Род же, которому старые эволюционисты и марксисты придавали такое значение (при всех его многообразных вариациях), – это понятие особой четко структурированной кровнородственной группы, члены которой тесно связаны между собой, в том числе имущественными и иными правами и обязанностями, хотя могут проживать и не вместе; это понятие, оформленное идеологически. Род может быть небольшим, состоять из родственников, выросших в одной семье (беспредковый род, состоящий из взрослых братьев и сестер с их детьми), а может быть очень крупным, когда он превращается, по сути, в племя людей, ведущих свое происхождение от одного общего предка (предковый род).

¹³ Например, 300 тысяч (по предположениям этнологов) аборигенов Австралии в конце XVIII в. образовывали от 500 до 700 племен (Берндт Р., Берндт К. 1981: 18).

В данных обществах могли быть постоянные руководители, но чаще это были временные лидеры, которые заслужили доверие своими достоинствами, квалификацией, делами. Однако при прочих равных условиях такими «начальниками» становились уже зрелые мужчины как по причине их большего опыта, так и в силу тех или иных привилегий и авторитета старших поколений. Особенно это было заметно у австралийцев, где у некоторых племен мужчина после инициации должен был пройти последовательно еще четыре возрастные степени, прежде чем он получит статус старшего мужчины (Белков 1993: 87).

Неравенство и основные институты. Неравенство определялось в основном по вышеуказанным линиям (различиям в родстве, поле и возрасте, а также качествам характера) и закреплялось обычаями, традициями, верованиями и авторитетом. Естественное неравенство пола и возраста усиливалось и общественным разделением труда между мужчинами и женщинами (детьми). Родственные отношения, права и обязанности, поначалу слабо выраженные, постепенно приобретали все большую роль, тем более в коллективах, где хозяйственная роль семей была высокой. Обязанности родственника, а в иных случаях и свойственника (зятя, тещи и тестя, например), были порой довольно церемониальными и обременительными.

Институт брака во многом играл центральную роль в социальном делении этих обществ. Крайне важными являлись брачные правила и запреты вступать в брак с людьми из определенных родов и групп (так называемые брачные классы). В отношении брачных обычаев, роли парной семьи, моногамии и полигамии, установленных мест поселения молодоженов (в роде жены, мужа или отдельно) имелось большое разнообразие (частично объясняющееся характером хозяйственной деятельности). При заключении брака где-то главными могли быть симпатии мужчин и женщин, где-то их не принимали во внимание и вопросы о браке решали старшие.

Половозрастные отношения очень существенны для любого охотничье-собирательского общества, но их значение могло быть различным. В некоторых случаях доходило до сильного антагонизма между мужчинами и женщинами, между молодежью и «стариками» (то есть людьми определенного возраста). Это могло происходить в особенности там, где старшие мужчины присваивали себе основные права, а молодые люди оставались неполноправными. К примеру, наличие нескольких жен у стариков многих австралийских племен создавало естественные трудности для вступления в брак молодежи. Это могло вызывать конфликты или супружеские измены. Но австралийцы среди других этнографических народов являются в этом плане исключением, а не правилом. Тем не менее как в охотничье-собирательском, так и в более развитом обществе ранних земледельцев и скотоводов холостой мужчина считался неполноправным. Поэтому вопрос женитьбы был для юноши (и его родных) важнейшим. Естественно, он резко обострялся в ситуации нехватки женщин. Несмотря на имеющееся в той или иной степени неравноправие мужчин и женщин, В. В. Бочаров прав, утверждая, что мужчины обретали высокий статус в архаическом социуме только благодаря женщине. Более того, мужчина имел возможность состояться в качестве социального субъекта только посредством женщины. Так, полноправным членом социума мужчина становился лишь после заключения брака. Остаться холостяком считалось позорным (Бочаров 2011: 101).

Очень часто женщин не допускали до религиозных таинств, праздников, решения важнейших дел. Инициации (для юношей, реже – девушек), иногда исключительно жестокие – это и метод отсекаания слабых (порой недовольных), и воспитание в нужном духе, даже устрашение. Во всяком случае, это довольно эффективный способ ослабления конфликта поколений.

Общественное положение, престиж поднимали человека в глазах соплеменников, могли дать ему больше прав или привилегий в материальном плане. Но нередко это сопровождалось и увеличением количества обязанностей, требований щедрости. Такая двойственность, вообще свойственная чем-то выделяющимся людям, была весьма характерна для древнего общества. Нередко общественная должность становилась тяжким грузом, и не все ее домогались или могли выдержать (см., например: Леви-Строс 1984: 170, 171). Конечно, за престиж всегда велась определенная борьба, но она, очевидно, не слишком часто перерастала в острые формы. Ведь в обычных условиях власть была не тиранической, а привилегии – не слишком значительными. Просто для такой власти не было материальной основы. Иными словами, злоупотребления могли иметь место, но для них было мало экономических и общественных условий, а следовательно, люди меньше к ним стремились¹⁴.

Многое, разумеется, зависело от размера коллективов и формы хозяйствования. Там, где общины были большими, а охота – коллективной, неизбежно возникала определенная иерархия с более сильной властью (в виде совета старейшин, малого совета и т. п.), которая могла обладать даже зачатками аппарата принуждения (в виде групп юношей, например, под властью старшего). Заметную роль могли играть колдуны и знахари, которые обладали большой психологической и моральной властью (см., например: Кабо 2007). Но чтобы стать колдуном или знахарем, нужны были особые свойства характера и знания, которые в некоторых племенах приобретались долгими годами учебы и испытаний, специальных инициаций колдунов.

Хотя сильные характеры, выдающиеся личности в каких-то вопросах могли противопоставлять себя обществу и общественному мнению, в целом господство коллектива было достаточным. Слишком частого вмешательства персональных авторитетов не требовалось, хотя без них, конечно, не обходилось при разборе жалоб, споров, ссор. Словом, в этих обществах не было «жесткой обусловленности, всегда одинаковой реакции личности или коллектива в целом на те или иные поступки индивидов или общественные события» (Артемова 1984: 171; 2004; 2009). Жесткого регламента жизни также не было, люди в основном сами распределяли свое время, кроме того, что подпадало под запреты, церемонии, обязательные дела¹⁵. Как справедливо замечал В. П. Алексеев, совершенно неправильно представлять первобытное общество как тоталитарное, с казарменной дисциплиной и всесторонним контролем за личностью. Стоит также учитывать, что особого аппарата принуждения не было. Но его успешно заменяли внимательность, любопытство и сплетни сородичей. Огромную роль играло общественное мнение. Насмешки, оскорбления, бойкот, осуждение – все это

¹⁴ Все меняется, когда появляются большие запасы и излишки, а значит, требуется постоянная должность для решения хозяйственных дел и споров; появляется возможность распределять больше продуктов для себя и более близких людей.

¹⁵ «Да, таков первейший нерушимый закон этих краев: то, что делает человек, священно, и никто не имеет права вмешиваться в его дела, за исключением таких случаев, когда действия одного человека могут представлять опасность для остальных членов общества» (Моуэт 1963: 175).

в маленьких коллективах является грозным оружием. Тем не менее в отношении серьезно провинившихся наказания подчас были строгими: изгнание, а иногда и убийство или особое колдовство, которое должно было, по мнению туземцев, умертвить приговоренного (у австралийцев это называлось «отпеть»).

Доэкономический тип отчуждения. Охотничье-собираТЕЛЬский принцип производства и его ведущее противоречие соответствовали **доэкономическому** типу отчуждения. Общества были в основе своей эгалитарными, с уравниТЕЛЬным уклоном, но с половозрастным неравенством. При этом труд в социальном плане не был заметно отделен от отдыха¹⁶. Речь идет именно о социальном, а не о психологическом аспекте. С одной стороны, труд еще не стал уделом социально слабых и презираемых и был достаточно почетным, с другой – праздность, когда для нее имелись условия, не воспринималась как порок.

Данный тип отчуждения мы называем **доэкономическим** не столько потому, что экономики как таковой еще нет, сколько потому, что в нем еще нет ярко выраженной противоположности экономических и неэкономических способов распределения произведенного продукта, как это наблюдается уже в следующей формации. Также нет заметного социального и имущественного неравенства (а только половозрастное), эксплуатации, замкнутых социальных групп. Труд еще не стал уделом неравноправных.

Распределение благ в первой формации можно считать **равнообеспечивающим**, но **неравным**. Оно не было и не могло быть равным, но, по крайней мере, в идеале пищи должно было быть достаточно, чтобы накормить всех (см., например: Кабо 1986: 152; Моуэт 1963: 175; Фрейхен 1961: 14; Ковалевский 1895: 52). Для этого существовали специальные правила дележа добычи (см.: Колганов 1962; Семенов 1999; Кабо 1986; Леви-Строс 1994: 194). Они в каждом племени и даже общине могли быть особыми и зависели от разных причин (в том числе от типа хозяйствования и методов охоты, рыбной ловли). Где-то охотник получал лучшую долю, где-то – худшую. Таким образом, наиболее сильные, энергичные и удачливые люди не имели равноценной своему вкладу доли. Следовательно, можно говорить об отчуждении труда и личности производителя первобытным коллективом с помощью обычаев, традиций и запретов, требований помощи, подарков, услуг, поддержки в конфликтах родичей и соплеменников. Все это в значительной мере уменьшало стимулы или возможности членов коллектива к увеличению производства и накоплению излишков.

С началом использования лука и других способов охоты, которые позволили перейти к добыванию пищи малыми группами, существенно меняются и правила распределения в сторону большего учета «трудового вклада» (см., например: Куиличи 1969: 329). Лучшая приспособляемость и специализация обществ вела к развитию уже имевшихся половозрастных разделений труда и неравенства. Последнее часто выражалось в том, что женщинам и молодежи было запрещено употреблять некоторую (наиболее ценную, редкую или вкусную) пищу, участвовать в общественных и религиозных делах. Мужчины средних лет в каких-то обществах могли работать меньше, а получать больше, чем молодежь (Кабо 1986: 89, 122–123, 152–153 и др.). Но в целом неравенство не носило

¹⁶ Поэтому выражения «труд», «трудиться», «трудовая деятельность» для данного принципа производства достаточно условны.

чрезмерного характера, поскольку его рост тормозился слабыми возможностями для хранения и накопления благ. По мере технических инноваций происходят изменения и в типе отчуждения, в котором появляются новые моменты: изменение правил распределения, возможность накопления престижных благ и их раздачи.

Предпосылки для перехода к новому принципу производства

На пятом и шестом этапах для нас особенно интересны народы – собиратели урожая как потенциально более прогрессивная ветвь развития. Эти народы собирали в определенный период в большом объеме урожай дикорастущих растений (одного или нескольких), складывали его на хранение, и этого основного вида пищи, заготовленного в небольшой период, им хватало на весь год или на сезон до следующего урожая. Соответственно они были более оседлыми, чем охотники и обычные собиратели, так как жили вблизи соответствующих мест произрастания нужных им растений. Такое собирательство могло быть очень продуктивным (см., например: Липс 1954; Антонов 1982: 129; Шнирельман 1989а: 295–296)¹⁷. Использовались самые разные растения: водяной рис, дикие злаки, саговая пальма, тропические плоды и корнеплоды, даже желуди. Разумеется, охота и другие виды деятельности сохраняли свое значение. Народы – собиратели урожая изобрели много орудий и приемов труда, которые позже перешли к земледельцам: серпы и жатки, зернотерки, печи и выпечку теста, емкости для хранения зерна и муки, приемы ирригации и агрономии и др. (см.: Липс 1954). Они в какой-то степени начинают ухаживать за дикорастущими растениями (например, поливать их, пропалывать сорняки и т. п.). Такие приемы известны даже охотникам (Шнирельман 1983: 183; 1989а: 365; см. также: Кабо 1980; 1986). Как уже сказано, на пятом (высокой зрелости) и особенно шестом (подготовительном) этапах охотничье-собирательского принципа производства появлялся заметный излишек благ, который можно было запастись. Излишек так или иначе приводил к появлению **престижных благ**, которые удобны в хранении и отчуждении и являлись предметами зависти, жизненных устремлений, высокого престижа. Таковыми были: шкуры, бивни, красивое оружие и одежда, украшения, лодки и т. п. Новые виды продуктов требовали и особых форм их производства, хранения, распределения, которые иногда пытались подогнать под привычные «стандарты», иногда, напротив, выводили из-под них, в любом случае это означало усиление противоречия между новыми условиями и старыми отношениями и правилами. На этих стадиях усиливается разделение труда в обществе, начинают зарождаться частная собственность, имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление богатств в руках руководителей и удачливых людей. Изобильные места повышают плотность населения, в результате усиливаются престижный обмен и торговля, а также и войны за обла-

¹⁷ «...В Галилее в дождливый сезон дикий эммер и ячмень дают урожай 500–800 кг с га. В Турции, пользуясь орудиями древних форм, исследователи за 1 час собирали до 1 кг зерна. Они подсчитали, что семья из четырех человек за три недели такой работы могла собрать тонну зерна» (Антонов 1982: 129).

дание этими территориями¹⁸. А как известно, война способна быстро аккумулировать богатства, открывать путь к развитию неравенства и рабства.

Таким образом, на **шестом** этапе *несистемных явлений*, или *подготовительном* (к переходу к новому принципу производства), появляются много элементов будущего принципа производства (в данном случае аграрно-ремесленного). С одной стороны, они еще очень неустойчивы, не играют решающей роли и, если отпадает необходимость, исчезают¹⁹. С другой стороны, при создании определенных благоприятных обстоятельств общество перерастает свои возможности, а при особых условиях возникает самое примитивное сельское хозяйство.

2.4. ВЫСШИЕ ФОРМЫ ОХОТНИЧЬЕ-СОБИРАТЕЛЬСКОГО ПРИНЦИПА ПРОИЗВОДСТВА

Варианты преодоления основного противоречия. Итак, расслоению социума, социальному неравенству и свободному накоплению богатства как способам разрешения основного противоречия жестко препятствовали обычаи, традиции и нежелание перемен со стороны большинства. Только часть коллективов сумела справиться с этой проблемой. У обществ, перешедших к шестому подготовительному этапу, имелись различные пути для дальнейшего развития. В аспекте генеральной линии можно говорить о двух типах: перспективном и неперспективном. Первый тип связан с переходом к примитивному сельскому хозяйству. Появлялся новый перспективный сектор экономики, в меньшей степени связанный с ограничениями присваивающего хозяйства. Второй тип – с перерастанием нормального уровня охотничье-собирательского принципа производства благодаря особой щедрости природы, частичному разрешению противоречия и иным достижениям. Когда общества перерастают шестой (подготовительный, высший для ведущей линии) этап принципа производства, тогда можно говорить о боковом и тупиковом движении эволюции, условно седьмом и восьмом этапах принципа производства (охотничье-собирательского), как бы параллельных начальным этапам следующего (аграрно-ремесленного) принципа производства.

Известны общества высших охотников и собирателей, где наблюдались сильное имущественное расслоение, наличие рабов, относительно развитые товарно-денежные отношения. Это индейцы северо-запада и юго-запада Америки, некоторые народы Дальнего Востока, Сибири и др. (см., например: Аверкиева 1960; 1978а; Даунс 1978; Шнирельман 1989а; 1989б; 1993; 2012а; Townsend 1985). Довольно подробно среди племен Северо-Западной Америки описаны, например, тлинкиты (Аверкиева 1978а). Они охотились на морского зверя и ловили лососевых рыб, шедших в местные реки на нерест. У них существовало различие между богатыми и бедными, было много рабов (по некоторым данным, до 30 % от всей численности жителей). Владелец раба мог убить или продать его. Часть

¹⁸ Еще в XVIII в. один поселенец записал в своем дневнике: «...старые индейцы рассказывали... о том, что между сиу и чиппеавами происходили кровопролитные сражения за обладание этими дикими рисовыми полями» (Липс 1954: 105–106).

¹⁹ В. А. Шнирельман рассказывает о группах индейцев северного побережья Калифорнийского залива, у которых земледелие носило крайне примитивный и подсобный характер. Если они узнавали о большом урожае диких растений, то бросали свой и уходили к диким растениям (Шнирельман 1989а: 295–296).

добычи отдавалась вождю. Последний обладал большой властью и мог передавать ее по наследству. Нередки были войны, в том числе и за рабов. У этих индейцев получили развитие ремесло (плетение, ткачество, ковка меди и прочее), торговля и даже имелись деньги в виде пластин меди. Таким образом, перед нами уже не первобытное, а скорее варварское общество. Думается, оно во многом опережало в развитии примитивных земледельцев, поскольку уровень прибавочного продукта у таких охотников-собираателей был выше.

Развитие существенно выше обычного для данного (и вообще любого) принципа производства за счет сверхизобильного природного (или иного) фактора – вполне объяснимое явление. Ведь такие показатели, как **объем, характер и удобство хранения прибавочного продукта в огромной степени определяют уровень развития общества**. И если накопление такого излишка возможно в рамках старых технологий, то это будет объективно подталкивать общество к частичному преодолению противоречий²⁰. Такие общества-«переростки» весьма похожи на общества ранних фаз следующего принципа производства. Но это дорога в тупик. И с точки зрения исторического процесса они становятся в конце концов маргинальными. Почему?

Дело в том, что переход к новому принципу производства не просто создает больше продукции. Он меняет всю хозяйственную жизнь и ведет к огромному росту населения, что, в свою очередь, трансформирует многие отношения. Главное же – во всемирно-историческом плане **переход к нему означает создание не просто новой, но такой системы хозяйствования, которая имеет большие потенции в будущем и способна быть предметом широкого распространения и заимствования**.

Преодоление же основного противоречия на базе особых природных условий не имеет таких потенций. Ведь исключительные условия потому и исключительны, что они нетипичны, могут исчезнуть, и главное – **они не способны быть предметом заимствования и распространения для других**. Но такие варианты все равно играют важную эволюционную роль. Ведь прежде чем произойдет переход к новому принципу производства, должен появиться целый спектр различных ответов на эту задачу, а уже среди них, возможно, отыщется наиболее перспективный. *Таким образом, даже на ранних этапах нового принципа производства эволюция как бы продолжает искать пути развития в старом принципе производства. Только эти линии развития различаются направленностью: одна уже идет по нисходящей линии, а другая – по восходящей. Решаются одни и те же проблемы, но решаются принципиально по-разному.*

---

²⁰ «В самом деле, для общественной эволюции особую важность имела не столько сама форма хозяйства, сколько его эффективность, способность поддерживать и стимулировать развитие сложной социальной структуры. В этом смысле потенциал развитого присваивающего хозяйства в ряде случаев был ничуть не меньше, чем у ранних форм производящего хозяйства. Вот почему общественные отношения и социальная структура высших охотников и собирателей нередко сильно напоминали соответствующие параметры в обществах ранних земледельцев и скотоводов» (Шнирельман 1989а: 400).